

Теория постмодерновых революций Джона Форана

Карасёв Дмитрий Юрьевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: DK89@mail.ru

Теории постмодерновых революций – направление традиции социологии революции, предметом которой являются абсолютно новые революционные события, произошедшие после 80-ых, когда Ж.-Ф. Лиотар «объявляет» начало «эпохи постмодерна», отличные от классических социальных революций, но соотносимых и сравниваемых, именно, с последними. Сочетаясь с дискурсом постмодерна теория революции осуществляет ревизию методов и понятийности социологии революции, представляя через это свой предмет другим и по-другому. Пристальное внимание к культуре в качестве центра социальной реальности и её изменения становится характерной чертой всего постмодернового дискурса и соответствующих теорий революций в частности.

Налицо значительная доля неопределённости и внушительное количество теоретико-методологических вопросов к данной группе социологических теорий: как возможна теория постмодерновой революции, каковы основания выделения группы теорий, каков её предмет, чем является социальная революция за пределами «конца истории» Ф. Фукуямы, как «разглядеть» этот новый феномен, полагаясь на устаревший европейский образец революции, методы и понятийности возникшие в связи и для его изучения, являются ли теории «конца революции» частью данной группы теорий или, напротив, модерновым «антитезисом», провоцирующим возникновение теорий постмодерновых революций? В качестве теоретиков постмодерновых революции можно указать на: Ж. Делёза, М. Хардта и А. Негри, Дж. Холлуэя, Д. Бенсаида, С. Жижка, Дж. Форана. Коротко разберём направление на примере теории последнего.

Свою концепцию Форан начинает с обоснования отказа от тезиса о конце революции. Конец модерна означает лишь конец социальных революций исторически увязанных с модернизацией, а не революций вообще. Модерн сам по себе трудно определим и окончен не во всех смыслах, поэтому постмодерн Форан определяет «через недоверие к метанарративам прогресса и классовым характеристикам модерна»[1]. С развитием постиндустриального общества классово организованные формы общественных движений заменяются движениями на основе различных идентичностей: гендер, культура, этнос, нация, религия, раса. «Идентичность дискурсивная и культурно конструируемая в этом смысле является прямой противоположностью социальным классам, как объективным структурам социального неравенства и жизненных шансов»[1]. Через это «конец рабочего класса» и классов в целом не перечёркивает революции.

Если современные революции были классовыми революциями по поводу модернизации, имеющие своей целью оказать влияние на этот процесс, посредством захвата государственной власти, то постмодерновые революции это революции идентичностей, связанные с глобализацией и имеющие своей целью оказать влияние на её процессы без захвата государственной власти. «Постиндустриальные или постмодерновые общества

оканчивают собой эру модерновых революций, в частности революции как борьбу за государственную власть»[3]. «В противоположность модерновым революциям как насильственной борьбе за государственную власть, "постмодерновые революции" являются ненасильственными и подразумевают "изменение мира без захвата власти"[3]»[1].

Революция больше не связана с классовым коллективным действием «по разрушению и реконструкции государственной власти», но с неопределёнными общественным движениями, подрывающим власть поисками автономии от неё (поисками идентичности, по сути). Открытым остаётся вопрос о влиянии развития информационных технологий на укрепление или ослабление этой автономии от государственной власти. «Постмодерновые революции с одной стороны теряют свою политическую составляющую и совпадают с технической революцией "информационного века"; и с другой они становятся движениями, которые ищут возможность уклониться от угнетающих форм инструментальной рациональности и авторитарных характеристик модерна»[1].

К пониманию предмета теории постмодерновой теории социальной революции американский социолог приходит, через представление о так называемой "политической культуре оппозиции реализацию которой и представляет собой социальная революция. Форана интересуют, прежде всего, человеческое и культурное измерения революции в рамках политико-экономических условиях глобализации. Комплексное понятие политической культуры оппозиции определяется через ссылку на процессы, «по средствам которых и обыкновенные граждане, и революционные лидеры приходят к восприятию экономических и политических реалий своих обществ, а так же к формированию ряда представлений, которые одновременно создают ощущение этих условий, дают возможность выразить их претензии и обнаружить дискурс способный предписать другим участвовать с ними в попытке переделать их общества»[2].

Элементами политической культуры оппозиции служат: субъективный опыт человеческих эмоций, идеологии, культурные "идиомы" и революционные организации или сети. В эпоху постмодерна и глобализации политическая культура оппозиции претерпевает значительные изменения по сравнению с модерновой культурой оппозиции, воплощением которой стали революции в Мексике, России, Китае, Кубе, Иране и Никарагуа. Помимо негативных эмоций политического исключения, социального и культурного неравенства, эксплуатации, усиленных глобализацией новая политическая культура оппозиции основана на эмоциях любви, надежды, справедливости. Революционными идеологиями по-прежнему служат идеологии социализма, национализма, либертарианства, к ним так же добавляется демократия, однако все они представляют собой сильнейшим образом размытые, смешанные с народными идиомами и преобразованные под волюнтаристским мировоззрением лидеров конструкторы. Вместо иерархического арьергарда на смену революционной организации приходят горизонтальные сети, основанные на принципах децентрализации, неиерархической консенсусной демократии. Движение движений вовсе не имеет ни организации, ни штаб-квартиры. На смену авторитарной и харизматической фигуре лидера приходит образ "субкоманданте Маркоса скрывающего своё лицо и "управляющего подчиняясь". На смену хорошо разработанных универсалистских идиом и программ, приходят партикулярные идиомы меньшинств: "Вы нас даже не представляете отсутствие единой программы, отражающие гетерогенность протестующих.

По основанию наличия очертаний новой политической культуры оппозиции в каче-

стве первой постмодерновой революции Форан указывает на сапатистскую революции в Мексике 1994 г., а так же такие разные по своим исходам события, как движение антиглобалистов и их акций, приход к власти левых правительств в значительной части латиноамериканских стран (в особенности приход к власти У. Чавеса, избранного президентом Венесуэлы вслед за неудачной попыткой военного переворота). Успех новой политической культуры оппозиции по созданию некой разновидности революции зависит от того, насколько будет учтён и переосмыслен опыт предшествующей модерновой культуры, заключает Форан.

Литература

1. Foran J., Lane D., Zivkovic A. Revolution in the making of the modern world // Revolution in the making of the modern world: social identities, globalisation, and modernity [edited by] J. Foran, et al., New York: Routledge, 2008.
2. Foran J. New political cultures of opposition: what future for revolutions? // Revolution in the making of the modern world: social identities, globalisation, and modernity [edited by] J. Foran, et al., New York: Routledge, 2008.
3. Holloway J. Change the World Without Taking Power, London: Pluto Press, 2002.